

Глава 3. История Ярославского района. Ростокино, Леоново и Красная Сосна, Лосиноостровск и Раево-Мыза (Раево-Мещерское), Малые Мытищи.

Ярославский район.

Современный Ярославский район — расположен в северо-восточном административном округе города Москвы.

В старину здесь проходила царская Троицкая дорога, ведущая на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Древняя Троицкая дорога в течении многих столетий служила важной сухопутной артерией России. Она освящена стопами сонма угодников Божьих, помнит русских царей и бесчисленных богомольцев. Дорога была свидетельницей как радостных так и горестных событий российской истории, видела иноземных захватчиков и героев освободителей. По ней с рыбьем обозом пришел в первопрестольную Москву Михаил Ломоносов. С ней связаны многие исторические события, а её окрестности сохранили немало памятных мест и архитектурных ансамблей — живых свидетелей минувшего. Одним из первых государственных мужей путешествовал в Троицкий монастырь Великий князь московский Дмитрий Иванович, который впоследствии стал именоваться Донским. Он получил от преподобного Сергия благословение на борьбу с Мамаем. Велики заслуги святого Сергия в объединении русских земель. Поэтому не случайно все московские цари ходили на поклонение «к великому отцу и чудотворцу Сергию, заступнику и крепкому молитвеннику и помощнику и кормителю всех царей Российских», как именовал основателя Троицкого монастыря в своей грамоте царь Алексей Михайлович. Московские государи не начинали никаких государственных либо семейных дел, прежде не побывав в Троицком монастыре.

На территории Ярославского района до 1960 г. вдоль Троицкой (Ярославской) дороги находились населённые пункты. Деревни — Малые Мытищи и Раево-Мыза (Раево-Мещерское), город Лосиноостровск (Бабушкин), рабочий посёлок Красная Сосна и малоизвестный посёлок Ворошилово, что находился недалеко от места Поклонная гора на изгибе Троицкой дороги по другую сторону от храма св. Адриана и Наталии.

Через район проходил мытищинский самотёчный водопровод, акведук которого панорамой открывается с проспекта Мира на мосту через Яузу. До 1997 года над речкой Ичкой в районе пересечения Ярославского шоссе с МКАД существовал малый акведук из красного кирпича. К величайшему сожалению, как и большинство местных (второстепенных для власти) памятников архитектуры и природных ландшафтов акведук был без лишнего шума разрушен поборниками чистоплюйства. Лужковская эпоха вообще славилась расцветом чиновничьего нахрапа двойных стандартов. Да убирали и подметали улицы, исправно чинили лифты и даже устраивали музыкальные праздники. Однако в какой обстановке жить москвичам

решалось «малым советом «благоустроителей затейников».



Малый акведук через р. Ичку близ Ярославского шоссе и МКАД

Зелёные пейзажи сменились пылью выбитых дворов с угловатыми клумбами чахлых цветов, нападки на городскую фауну в ряде районов также приобрели безобразный систематический характер, большую часть двора могли неожиданно загрести под автостоянку а то и вовсе оставить огрызок забрав землю под строительство? Частенько страдали памятники архитектуры, во многих районах резко накалилась демографическая обстановка. И только после произошедших в Москве череды зверских терактов верховная власть приняла решительные меры по присечению агрессивной этнитизации столицы нелегальными мигрантами. Но довольно печальных лирических отступлений. Вернёмся к истории района.

Город Лосиноостровск — возникший у платформы «10-ая верста» (ст. Лосиноостровская) в 1904 году на месте лесной дачи Удельного ведомства.

В 1908 году закончилось строительство Окружной железной дороги, что

превратило Лосиноостровскую в крупный передаточный узел с сортировочной горкой и депо. Появляются небольшие железнодорожные мастерские, телеграфные мастерские, из которых вырос электротехнический завод.

Дачный поселок привлек внимание и конспираторов - революционеров: в 1907 году здесь работала подпольная большевистская типография, имелись явочные квартиры. Солдаты пехотной дружины, охранявшей артеллирийские склады Раево-Мызе, во время революционных событий 1917 г. примкнули к восстанию и предоставили арсенал большевикам.

Лосиноостровск ко времени своего преобразования в город в ноябре 1924 года насчитывал 15 тыс. жителей. Строительство первой линии метро способствовало появления около платформы Лось городка метростроевцев. О нем сейчас напоминают название нескольких улиц: Проходчиков, Ротерта – названа в честь первого начальника Метростроя Павла Петровича Ротерта (1880-1954), Егора Абакумова – в честь одного из первых руководителей строительства (1895-1953). Города метростроя близ платформы Лось однако нет на карте Москвы. Официально он находится на востоке Москвы по другую сторону Лосино Острова к западу от Открытого шоссе.

В 1939 году Лосиноостровск был переименован в Бабушкин — в честь полярного лётчика Михаила Сергеевича Бабушкина.

Карта 8

Город Бабушкин начала XX века (фрагмент карты генштаба 1939-40 гг).



Будущий лётчик Бабушкин родился в деревне Бородино, что в окрестностях Лосиноостровска, а учился в селе Раево. Отец Михаила служил лесным сторожем у помещика Рихтера. Звание героя лётчик Бабушкин получил за участие в высадке на северный полюс папанинской четвёрки.

Война непосредственно коснулась Бабушкина. В 1941 году на станции прогремел чудовищный взрыв. То ли в результате диверсии, то ли по чьей-то расхлябанности взорвался вагон с боеприпасами.

Частью Москвы город Бабушкин стал в конце 50-х годов, когда вошел в состав Дзержинского района.

В 1968 году район приобретает самостоятельный статус и в его состав входят нынешние районы Алексеевский, Бабушкин, Свиблово, Лосиноостровский, Ростокино, Ярославский и территория ВДНХ.

С 1991 года после краха советской системы Бабушкинский район это только его прежняя центральная часть.

Ярославский район образован в результате административной реформы в том же 1991 г. сначала как муниципальный округ, а статус района получил 5 июля 1995 года. Району соответствует внутригородское муниципальное образование «Ярославское», образованное в 2003 году. Свои названия они получили по основной магистрали — Ярославскому шоссе.

Район вытянут на северо-восток по сторонам Ярославского шоссе. С севера район ограничен МКАД, с запада железной дорогой, с востока национальным парком Лосиный остров, с юга Северянинском мостом. Граничит с Лосиноостровским и Бабушкинским районом на западе, с Ростокино на юге и Лосиным островом на востоке. Район занимает площадь 799 га, а его население на 1 января 2010 года составило примерно 85,5 тыс. человек.

В районе расположено большое количество учебных заведений, от дошкольный и начальных до высших. Среди них — МГСУ, МПИК, Колледж Метростроя. Здесь также находится храм во имя святых мучеников Адриана и Наталии, Московский Новый драматический театр. Река Ичка протекает на севере района из Лосино Острова по трубе под Ярославским шоссе и железной дорогой на запад.

Один из немногих районов в пределах МКАД, расположенных в значительном удалении от метро. При этом какие-либо планы строительства здесь подземки отсутствуют. По иронии судьбы, именно на территории нынешнего Ярославского района находился рабочий посёлок метрополитена (об этом свидетельствуют названия улиц района — Проходчиков, Ротерта, Егора Абакумова. Несмотря на возможность преобразования лужковского монорельса (соединяющего ст. м. Тимирязевская и ст. м. ВДНХ) в линию лёгкого метро с последующим продлением его вдоль Ярославского шоссе в Мытищи и Королёв таких планов нет даже на далёкую перспективу.

Здесь я закончил общее описание Ярославского района и приступаю к подробному повествованию о населённых пунктах входящих в него. Упомяну также сёла Ростокино и Леоново, не входящие в него но тесно связанные с историческими событиями Троицкой дороги, как и Ярославский район с историей Москвы.

Ростокино.

В сохранившихся документах село Ростокино впервые упоминается во второй четверти XV в., когда оно принадлежало видному боярину Михаилу Борисовичу Плещееву. Он был очень богатым человеком (но отрывочным свидетельствам известно, что Плещеев владел десятком крупных сёл) и значительным деятелем эпохи Василия Темного. Во время феодальной войны Михаил Борисович твердо стоял на стороне великого князя и оказал ему немалые услуги. На Рождество 25 декабря 1446 г. Плещеев с небольшим отрядом вошёл в Москву, освободил город от власти Дмитрия Шемяки и привел жителей столицы к присяге на имя своего господина.

Приблизительно в это время (в 1446 или 1447 г.) Михаил Борисович похоронил свою первую супругу Соломониду и дал по её душе в виде вклада Троице-Сергиеву монастырю село Ростокино на Яузе «с серебром, и с хлебом, и с сеном, и со всем, что к тому селу потягло, и с пустошами».

Сохранился список бояр великого князя Ивана III, унаследованных им от отца. В нём Плещеев стоит на первом месте. В это время он был уже в преклонном возрасте и вскоре постригся в Троице-Сергиевом монастыре под именем Мисаила и там же умер в 1468 г.

Ростокино, ставшее монастырским, довольно быстро достигает расцвета. Из «обельной грамоты» 1481 г. узнаём, что оно было окружено деревнями, причём для освоения близлежащих земель игумен Паисий не жалел средств и призывал отовсюду крестьян. Великий князь Иван III не препятствовал этому, обязав монастырь лишь не трогать великокняжеских крестьян. Ростокино по этому документу освобождалось от платежа дани, яма, тамги, выставления подвод и дачи «кормов» княжеским слугам. Во внутреннем управлении вотчина пользовалась автономией в решении судебных дел, кроме случаев «душегубства». Эти льготы в дальнейшем подтвердили и преемники Ивана III — Василий III и Иван IV.

В XVI в. Ростокино являлось богатым монастырским селом, располагавшимся по обоим берегам Яузы. В центре высилась деревянная клетского типа церковь Воскресения Христова, украшенная «образы и святы книги и ризы». На колокольне висело четыре колокола. Подле храма располагались дворы попа, «челядинский» и монастырского приказчика. Рядом находился коровий двор, где содержалось монастырское стадо. В конце XVI в. в Ростокине считали 15 крестьянских, один бобыльский и один пустой двор. К селу «тянули» две деревни и две пустоши. Под селом, на реке Яузе, находилась монастырская мельница в два жернова с двором старца Корнилия Винникова и мельника Карпа Васильева. Они поведали

писцам, что «мелют тою мельницею на монастырской обиход, а за монастырским обиходом собирают от молотья найму на год по десять рублей». «Коли вода болши», выдавались годы, приносившие и 15 рублей. Собранные деньги отвозились на московское Троицкое подворье, а часть отдавалась мельнику. Доход монастырю приносил и перевоз на Яузе, действовавший весной и приносивший ежегодно два с половиной рубля. Повинности крестьян заключались в пахоте, косьбе, починке мельничной плотины, удобрении полей навозом и рубке леса. Земля в основном лежала под пашней и незначительная часть — под перелогом. По берегам реки лежали сенокосы. Окрестные леса ещё в XV в. славились как охотничьи угодья — великие князья «тешились» здесь охотой на медведей и лосей.

Село располагалось неподалеку от Троицкой дороги, здесь москвичи встречали царя Ивана IV после победоносного похода на Казань. Летопись так описывает это событие: «И прииде государь к царствующему своему граду Москве, и стречаху государя множество народа. И толико множество народа, и поля не вмещаху их: от реки от Яузы и до посада и по самой град, по обе страны пути, безчислено народа, стари и унии, велии гласы вопиющий, ничтоже ино слышати, токмо: Многа лета царю благочестивому, победителю варварскому и избави телю християньскому!» Ростокино упомянуто в летописи и под 1556 г., когда князь Юрий Васильевич, брат царя, провожал до села чудотворный образ святого Николы — считалось, что действие этой иконы вынудило Литву вступить с Россией в мирные переговоры.

События Смутного времени не обошли стороной Ростокино. В 1613 г. крупный отряд «воров атаманов и казаков» находился на Троицкой дороге. Из Ростокина они послали гонца в Москву сказать молодому царю Михаилу Романову, что готовы ему служить, не разбойничать и что «на государеву службу, где государь велит, итти готовы». В ответ царь послал к селу своих людей, которые должны были переписать казаков. Те воспротивились этому и, по свидетельству Разрядной книги, дали дерзкий ответ: «Атаманы ведают сами, сколько у кого в их станицах казаков». Самовольно по Троицкой дороге от Ростокина до Москвы они стали ставить «сторожи» — небольшие засады и посылать в близлежащие места свои разъезды. Второе послание казаков заключало угрозы. Они требовали предоставить им торг, «а толко им торгу не дадут и они учнут воевать». Под торгом, конечно, разумелись доходы от торговли. Государь пошёл на уступки, но перевел казаков из Ростокина к Донскому монастырю.

Несомненно, Смута привела к запустению Ростокина. Казачьи разъезды вытряхивали из крестьян всё, что могли, нередки были и поджоги. Кто мог, спасался в окрестных лесах, но и там было неспокойно. Ещё в XIX в. сохранялось местное предание о смелой разбойнице Таньке, атаманше шайки, промышлявшей в окрестностях Ростокина. Говорили, что в конце концов она была выдана правительству своим другом и сообщником Ванькой Каином. Даже в начале XX в. ближайшая к селу роща была известна под именем «Танькиной рощи».

После Смуты село восстанавливалось медленно. В 1623 г. в нём считали 6 крестьянских и 9 бобыльских дворов с 16 душами. В 1646 г. отмечено 19 крестьянские дворов (67 человек) и два бобыльских (4 человека), расположившихся по обе стороны Яузы. Перепись 1678 г. показала всего 16 дворов и 41 жителя, а также монастырский двор, где летом жили старец и стрельцы «для сбора мостовых денег». К 1704 г. в 27 дворах села проживали 73 человека.

Сожжённая в годы Смуты Воскресенская церковь была восстановлена к 1646 г. С начала XVIII в. в ней появляется придел Сергия Радонежского. Со временем сильно обветшавший храм в селе был снесён в 70-80-е годы XVIII в. (после 1776 г.) и более не восстанавливался «за малым приходом». Интересно, что местные крестьяне, показывая свою набожность, давали вклады в Троицкий монастырь. Во вкладной книге обители можно найти следующие записи, относящиеся к XVII в.: «Села Ростокина крестьянин Яким Яковлев дал вкладу мерин гнед... да денег 5 рублей», «дал вкладу села Ростокина крестьянин Терентей Харламов денег 3 рубля». А в 1619 г. торговый человек Иван Ондреев Рубец дал в селе Ростокине «избу новую с нутром и с кровлею 3 сажень».

Само поселение в XVIII в. практически не росло. «Экономические примечания» 1770-х годов зафиксировали в нём 15 дворов с 169 душами обоёго пола. Основное богатство составлял прилежащий к селу лес, а также пахотные угодья. Село лежало по обе стороны Яузы и Большой Переяславской (Троицкой) дороги, на левой стороне речки Горяинки. Церковная земля с храмом находилась на левом берегу Яузы и у Высоковского оврага (там, где писцовые книги конца XVI в. отмечают «тянувшую» к селу деревню Высокую). Берега рек связывали деревянные мосты.

В 1764 г. согласно манифесту о секуляризации монастырских имений Ростокينو переходит в ведение Коллегии экономии. Крестьяне облагались годовым оброком в полтора рубля с души. Помимо земледелия они всё больше занимались извозом и содержанием постоялых дворов в Москве, имея средний достаток. Крестьянские жёны вязали на продажу чулки и колпаки. В конце XVIII в. в селе насчитывалось 27 дворов при 159 жителях.

С 1779 г. началось строительство знаменитого Мытищинского водопровода. Близ Ростокина построили акведук, поддерживавший водопроводный канал. Его спроектировали инженеры Ф.Б. Бауер и И.К. Гёгард. Это единственное примечательное сооружение окрестных мест, дошедшее до сегодняшнего дня. Многоарочная (21 арка) постройка длиной 356 метров напоминала знаменитые римские акведуки. Возведение сооружения обошлось казне в крупную по тем временам сумму, из-за чего в народе акведук получил название Миллионного моста.

Павел I отдал Ростокينو в командорственное держание своему воспитателю, кавалеру ордена св. Андрея Первозванного митрополиту Платону (Левшину), отличавшемуся образованностью в духе екатери-

ненского просвещения.



Большой акведук через Яузу близ села Ростокино.

Платон, облюбовав соседнее Черкизово, считал Ростокино своего рода придатком, «сельцом», не имевшим даже собственной церкви, приращением к его земельным владениям. При Александре I ростокинские земли возвращаются в собственность государства. В середине XIX в. сельцо, числившееся в ведомстве Окружного управления, насчитывало 34 двора, 99 мужчин и 123 женщины. В пореформенное время ростокинские крестьяне не спешили, в отличие от соседей, расставаться со своими наделами. Так, с 1867 по 1876 г. не было зарегистрировано ни одного случая продажи в Ростокине крестьянской земли. Арендные платежи здесь были большими и в среднем составляли 40 рублей за десятину.

Однако время брало своё, и возделанные поля мало-помалу уступали место частным предприятиям. При сельце уже в 1852 г. находилась ситцевая фабрика коллежского советника Владимира Матвеевича Молчанова, где бумажная пряжа красилась «в красный адриано-польский цвет». Поблизости находилась ситценабивная фабрика купца первой гильдии Николая Яковлевича Константинова. Близость к столице привела к тому, что в конце XIX в. сельцо превращается в промышленный пригород Москвы. Здесь разместились брезентовый завод Волкова и Шишкинского, отбельно-крутильное заведение Содомовых, брезентовый завод Васильева, заведение окраски шёлка Владимира Владимировича Фермана, завод по выделке револьверных патронов Егора Егоровича Торбека. Ростокино было и центром одноименной волости — здесь находилось волостное правление. При этом, несмотря на множество фабрик, сельцо вместе с соседним

Леоновом считалось дачной местностью.

Последняя треть XIX в. — время роста сельца. Если по переписи 1869 г. здесь проживало 295 человек обоего пола, то к концу 80-х годов XIX в. таковых стало 650 душ. По переписи 1899 г. в Ростокине числилось уже 702 человека. Из этого числа около 60% составляли приезжие, работавшие на окрестных фабриках. Грамотных и учащихся было мало — 139 человек, или всего пятая часть жителей.

В 60-е годы XIX в. ростокинские крестьяне поделили землю на 100 долей. На протяжении трети века это число практически не росло (в 1899 г. — 108 долей). Землю обрабатывали в основном своим инвентарём. Среди огородных культур первое место занимал картофель, как и в целом по Московскому уезду. Выращивали также рожь и овёс. И все же, по свидетельству современника, «жители Ростокинской волости хозяйством занимаются мало: большинство способных к труду людей проживает на фабриках, торгуют парным молоком, занимаются в Москве легковым извозом, полотерством и ведут торговлю: трактирную, в винных лавках и полупивных». К 1899 г. в Ростокине находилось 8 торговых и 10 промышленных заведений. Тем не менее 60 семей искали заработок в городе.

Ещё в начале XX в. сообщение Ростокина с городом было исключительно гужевым. Но в 1903—1908 гг. строится Московская окружная железная дорога. К северу от Ростокина возникает одноимённая станция. Само поселение оказалось в черте новой магистрали, которая определила фактическую границу города. План Москвы 1929 г. показывает в Ростокине 4 улицы и 5 переулков, которые, за исключением улицы Текстильщиков, были одноимёнными селу. Главной являлась Большая Ростокинская улица (ныне часть проспекта Мира). В 1935 г. Ростокينو официально вошло в состав Москвы. Но лишь в послевоенное время оно стало терять сельский вид, когда с конца 1940-х годов здесь началась городская застройка. Среди окрестных предприятий стал выделяться основанный в 1935 г. Ростокинский меховой комбинат по переработке пушнины — головное предприятие мехового объединения «Труд».

Леоново.

По соседству с Ростокинском располагалось село Леоново, которое впервые упоминается писцовой книгой 1573 г. как пустошь, находившаяся в поместье за Фёдором Фёдоровичем Карповым. Спустя десять лет писцовая книга 1584 г. фиксирует ещё большее запустение: перечисляются пустоши, в том числе и Леоново, и добавляется «а имян их сыскать неким...лесом пашня поросла в кол и жердь». Следующее упоминание о Леонове относится к 1623 г., когда при описании владений села Свиблова упоминается дворцовая пустошь Леонова.

В 1629 г. Леоново из Приказа Большого Дворца отдаётся в поместье князю Ивану Никитичу Хованскому. Новый владелец происходил из рода великого

литовского князя Гедимина и находился в родстве с царём Михаилом Романовым: его женой была Марья Михайловна, урожденная Салтыкова, дочь боярина Михаила Михайловича Салтыкова, который в свою очередь приходился родным племянником матери царя — великой старицы Марфы.



*Крещение на Яузе
(начало XIX века).*

Это позволило Ивану Никитичу со временем занять при дворе достаточно высокое и устойчивое положение. При первом царе из династии Романовых он служит в стольниках и воеводах. После восшествия на престол царя Алексея Михайловича он был послан в августе 1646 г. приводить для присяги новому монарху жителей Вязьмы, а через месяц неожиданно был разжалован и сослан в Сибирь. Причин опалы мы не знаем, но в апреле 1649 г. его возвращают в Москву и, желая загладить обиду, государь жалует его прямо в бояре. Спустя год, когда вспыхнули восстания в Новгороде и Пскове, подавлять их послан был Иван Никитич. У князя имелось слишком мало войск, он действовал осторожно, чем вызвал упреки царя в медлительности и нерешительности. Однако за него вступился новгородский митрополит, впоследствии знаменитый патриарх Никон. В итоге восстания были подавлены, а Хованский в награду получил бархатную золотную шубу, кубок и придачу к окладу. С Никоном Ивану Никитичу пришлось выполнять ещё одно поручение царя. В 1652 г. им было приказано перенести из далекого Соловецкого монастыря в Москву мощи митрополита Филиппа Колычева, погибшего в годы опричнины. Путешествие было очень трудным, на Белом море ладью князя разбило во время бури, а сам он был очень недоволен и жаловался царю, что Никон замучил его молитвами: «...заставляет ежедневно быть с ним у правила». Во время польской войны в 1654—1657 гг. он служил воеводой.

При Иване Никитиче Леоново заселяется, строится деревянная Ризоположенская церковь. По преданию, князь И.Н. Хованский при выборе наименования для престола леоновской церкви руководствовался следующими соображениями: название Леоново переносило его, получившего прекрасное церковное образование, к византийскому царю Льву, или Леону, при котором, в V в. н.э. был установлен праздник Ризоположения. С другой стороны, возможно и другое объяснение.

В это время в Москве была очень популярна Ризоположенская церковь на патриаршем дворе, которую активно опекал патриарх Филарет, отец царя Михаила Романова. Все, чем интересовался патриарх, вызывало со стороны придворных самое усиленное и льстивое внимание. По описанию 1646 г., в Леонове значилась боярская усадьба, а за рекой Яузой находилась деревня Коровья, в которой имелось 12 дворов с 25 жителями мужского пола.

В 1658 г. после смерти Ивана Никитича Леоново переходит к его вдове Дарье Михайловне (урождённой Пожарской), а в 1671 г. к их детям — князьям Петру и Ивану Ивановичам Хованским. По описанию 1678 г., в Леонове находилось два помещичьих двора, где жили дворовые люди, 3 двора кабальных и 3 двора задворных с 15 крестьянами.

Карьера новых владельцев Леонова поначалу складывалась довольно удачно, и они быстро дослужились до боярского чина. Но осенью 1682 г. разразилась гроза. 17 сентября 1682 г. правительством царевны Софьи были казнены их близкие родичи — князь Иван Андреевич Тараруй Хованский и его сын Андрей, казавшиеся властям слишком опасными своим влиянием на стрельцов. Решено было арестовать и их родственников. Вскоре в Леонове был арестован Пётр Иванович. Однако через несколько лет, после падения Софьи, Хованским было возвращено прежнее положение и в 1690 г. восстановлено боярство.

После кончины Ивана Ивановича в 1701 г. Леоново полностью перешло к его брату Петру. В 1704 г. в селе числился боярский двор и 9 дворов задворных людей (18 человек). В 1716 г. после смерти Петра Ивановича Леоново достаётся его сыну Василию Петровичу. Судьба последнего была довольно типичной для петровской эпохи. В 1717 г. он служит на Балтийском флоте в чине унтер-лейтенанта, через десять лет упоминается как шталмейстер, затем — камергер и кавалер, а в начале 1740-х годов состоит обер-президентом главного магистрата в Москве. При нём в Леонове в 1722 г. была построена каменная церковь, сохранившаяся до сих пор. На этот момент в селе значились двор помещика и 6 крестьянских дворов. Сохранился исторический анекдот, объясняющий повод для строительства леоновской церкви. Как-то князь Василий Петрович Хованский пригласил к себе гостей. После того как все крепко выпили, они уложили своего мертвеца пьяного собутыльника гвардейского унтер-офицера князя Долгорукова в гроб, отнесли в церковь, где и отпели. Наутро его обнаружил в храме священник. Пётр I, узнав об этом от вице-канцлера Шафирова, приговорил было всех участников попойки к смерти, но впоследствии заменил её телесным наказанием в своём присутствии. Во искупление греха Хованский решил выстроить новое здание храма в своей подмосковной.

В 1746 г. Василий Петрович скончался, через два года за ним последовала и вдова Екатерина Петровна, а село досталось их детям. У Леонова оказалось девять юридических владельцев. Поместье закладывается, перезакладывается, в итоге объявляется аукцион, и в 1767 г. лейб-гвардии капитан Александр Васильевич Хованский продаёт Леонове за 9200 рублей Павлу Григорьевичу Демидову.

Новый владелец села, потомок знаменитого тульского мастера, сделавшего первое русское ружье, получил блестящее по тем временам образование. Десятилетним мальчиком он учится в Ревеле немецкому и латинскому языкам, в шестнадцать — посещает германские университеты, в семнадцать — вместе с братьями предпринимает целый ряд образовательных путешествий по Европе.

Вернувшись в Россию, он предоставляет управление заводами братьям, а сам обосновывается в Леонове, занимаясь обустройством усадьбы, посвящая все свободное время «философскому уединению», наблюдениям над природой, коллекционированию художественных предметов, монет, книг, игре на скрипке и органе, а летом увлекаясь садоводством и лесоводством. При этом он активно способствует развитию образования в России, жертвуя свои редчайшие коллекции Московскому университету и основывая в Ярославле лицей, получивший его фамилию.

Последние годы жизни Павел Григорьевич провёл в любимом Леонове, где и скончался 1 июля 1821 г. на 83-м году. Современник вспоминал: «...как страстный любитель природы Павел Григорьевич большую часть года проводил в подмосковном селе своём Леонове, а чтобы и зимой любоваться зеленью деревьев, насадил не одну тысячу сосен и елей, выписывал кедр, лиственницу, пихту, которые и теперь можно видеть в Леонове. Сад Демидова был наполнен растениями, большей частью достопримечательными по каким-либо особливим явлениям, кои наблюдал он весьма тщательно и всегда с великим удовольствием. В хорошие летние дни проводил по несколько часов всегда почти один, любясь природой. В таком случае нужна ему была тишина совершенная, даже голоса птиц его беспокоили».

С годами чуткость Демидова к шуму приняла болезненный характер. Он не мог выносить звона колоколов церкви. По его ходатайству храм в 1800 г. закрыли, а его крепостные должны были выполнять весьма оригинальную работу на барщине, вылавливая в парке птиц, а в пруду отлавливая лягушек.

В грозную пору 1812 г. в Леонове пришли французы. В усадебных постройках разместился отряд драгун, а лошадей устроили прямо в церкви. К счастью, отступление врага было столь стремительным, что усадьбу сжечь он не успел.

После смерти бездетного Демидова его наследники в 1822 г. продали Леоново за 120 тыс. рублей ассигнациями гвардии поручику Николаю Ивановичу Пономарёву. Вскоре он в 1825 г. продал усадьбу с громадным для себя убытком, всего за 30 тыс. рублей, первостатейному купцу Ивану Петровичу Кожевникову, который вырубил весь лес для нужд своей суконной фабрики в Свиблове, а усадьбу сдал под фабричные заведения.

Позднее Леоново многократно меняет своих владельцев. Сын И.П. Кожевникова, запутавшись в долгах, вынужден был расстаться с Леоновом. В 1867 г. на торгах имение площадью 134 десятины (из них 65 — под лесом)

за 24 тыс. рублей купил владелец Ростокинской ткацкой фабрики Е.В. Молчанов. Он же отремонтировал здешний храм. После его кончины в 1870 г. имение перешло в другие руки, а в начале XX в. принадлежало московским купцам А.М. Капустину и Г.А. Красногорову.

В конце XIX в. оно, привлекавшее своим уединением и чистым воздухом, стало застраиваться, а с начала XX в. после прокладки Московской окружной железной дороги вошло в черту Москвы. На месте демидовских домов появились живописные дачи, некоторые из которых простояли здесь до середины 1950-х годов. В последующее время Леоново становится районом массового строительства, и ныне от старинного села осталась лишь церковь, расположенная у входа на станцию метро «Ботанический сад», которая стала вновь действующей в канун тысячелетия крещения Руси.

Красная Сосна.

Красная Сосна — бывший дачный посёлок, вошедший в черту Москвы. Располагался по обеим сторонам Ярославского шоссе за Северянинским путепроводом.

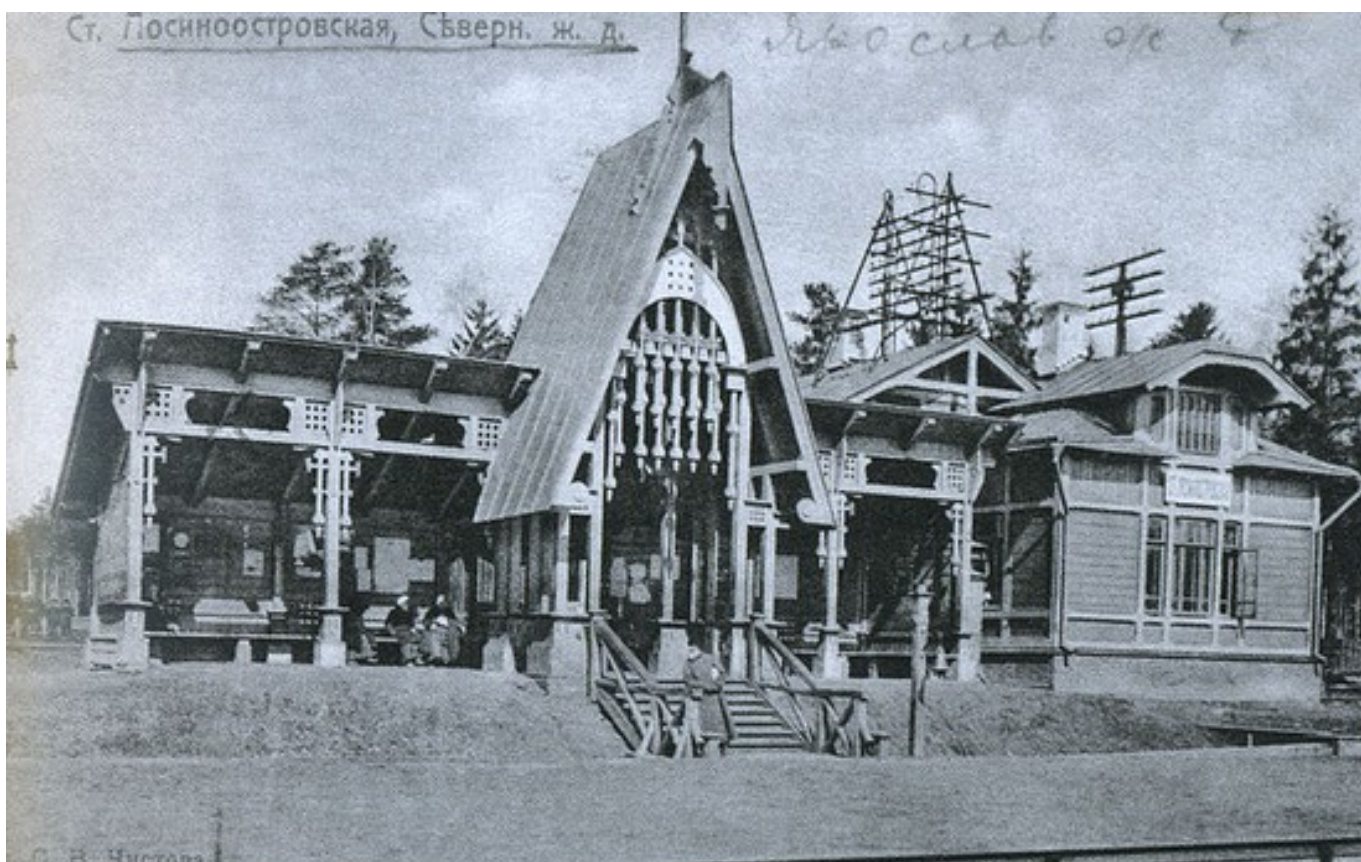
Дачный посёлок Красная Сосна возник в 1911 году вблизи одноимённого урочища Лосиног острова, на земле села Ростокино. Урочище то составляли стройные и могучие корабельные сосны, красно-оранжевые в лучах восходящего и заходящего солнца. Современный Лосиный Остров имеет урочище «Сосновая гривка», но оно тяготеет более к Раево-Мызе. Правда в двадцатые годы посёлок Красный Северянин занимал и часть Раево-Мызы. Прежнее урочище видимо было сильно вырублено в годы ВОВ. Но стройные сосны близ платформы Северянин до сих наполняют мощью смешанный лес.

После революции посёлок получил название Красный Северянин. Но красный в новой эпохе не есть красивый и название не прижилось... Посёлок быстро рос: в 1920-е гг. в нём насчитывалось 18 улиц-линий. По состоянию на начало 1930-х посёлок был административно подчинён городу Лосиноостровску (с 1939 года Бабушкин), сохраняя статус посёлка. Вместе с Бабушкиным посёлок был включён в состав Москвы 18 августа 1960 года. Дачная застройка сохранялась до начала 1970-х гг., когда вдоль Ярославского шоссе был выстроен ряд многоэтажных домов, а южная часть территории посёлка вошла в промзону «Северянин».

Современное состояние. Название посёлка сохраняется в наименовании улицы Красная Сосна. До 1986 года эта улица была 10-й линией Красной Сосны. На некоторых картах также указываются 6-я, 8-я, 12-я линии Красной Сосны, не присутствующие в Общемосковском классификаторе улиц. В конце 12-й линии сохранились бывшие дачные дома: дом 28 — Детский эколого-просветительский центр «Красная сосна», дом 31 — частный дом, дом 29 — лыжная база Военной академии РВСН им. Петра Великого (на табличке указан адрес «13-я линия Красной Сосны, 29»).

Лосиноостровск.

Свое название этот район получил от города Бабушкина, вошедшего в состав Москвы в 1960 г. История этого города, прежде называвшегося Лосиноостровском, восходит к концу XIX в. В 1898 г. на десятой версте Северной железной дороги построили небольшую платформу, чтобы в перспективе соорудить тут сортировочную станцию. Она так и называлась «Платформа 10-й версты». Около новой остановки находилась лесная дача Удельного ведомства, которое, учитывая близость станции к Москве, красивую здоровую местность, сочло выгодным разбить имение на кварталы и сдавать лесные участки для застройки под дачи сроком на 36 лет. Величина участка, как правило, не превышала 1 десятины. Официально первые участки по контрактам сдавались с 1 января 1900 г., но фактически первые жители начали строиться гораздо раньше.



Участки Удельного ведомства расхватили моментально, но желающих было гораздо больше. Почувствовав конъюнктуру, соседний землевладелец Н.Ф. Рихтер предложил под застройку часть своего имения. И хотя новые участки были расположены дальше от железной дороги и шли по более высокой цене, они пустовали недолго. Не растерялись и крестьянские общества соседних Ростокина, Ватутина, Малых Мытищ — земля под дачи расхватывалась моментально. Так появился посёлок, получивший название Лосиноостровский, заимствованное от соседнего лесного массива Погонного Лосино острова. Официально он стал существовать с 1904 г. Причин быстрого роста посёлка назвать можно много: и близость к Москве, и удобство сообщения с нею, и сухая здоровая местность. Но главным было разрешение одновременно двух насущных вопросов: квартирного и дачного. Застраивали участки или снимали дачи в основном люди среднего достатка, и возможность пожить маленьким помещиком со своим огородом и

фруктовым садом привлекала многих.

Собственно под названием Лосиноостровская укрылось несколько селений, волей судьбы слившихся воедино. Уже в самом начале, к северу от основного посёлка образовалась местность Джамгаровка, названная так по владельцу первых четырех участков И.И. Джамгарову. В 1908 г. московское Общество вспомоществования торговых служащих арендовало 123 десятины между железной дорогой и Троицким (ныне — Ярославским) шоссе. А через два года жители нового посёлка, выплатив отступную сумму Обществу и выделившись в самостоятельную единицу, переименовали его в посёлок Торговых служащих. По соседству, на земле деревни Малые Мытищи образовался посёлок Дубняки, а на земле сельца Ростокينا в 1911 г. возник посёлок Красная Сосна (топоним сохранился до сих пор в названии улицы).

В апреле 1906 г. было организовано Общество благоустройства местности Лосиноостровская, хотя первое время оно не проявило себя, и лишь с приходом на пост председателя А.К. Цитемана его деятельность оживилась. Первым делом разбили детскую площадку с гимнастическими снарядами, были устроены освещение посёлка, его охрана, прокладка пешеходных дорожек, поскольку они представляли собой «нечто, напоминающее тротуары, грязь непролазная на них и на дорогах в дождливые дни, пыль — в сухие и бугры снега зимой». Общество благоустройства, несмотря на тысячи жителей, насчитывало всего лишь сотню действительных членов. И все же его роль в жизни Лосиноостровской была велика, и оно считалось одним из лучших в Московской губернии (к 1909 г. таковых в ней было около 60). По его инициативе открывается средняя школа с программой гимназии, устраивается общественный парк, существующий и поныне. В парке работает летний театр, в котором любительская труппа ставит спектакли, а иногда приезжают и московские артисты, организуется пожарная дружина. Впервые в посёлке такого типа создаются поля орошения.

В 1899 г. Раисой Самойловной Знаменской было организовано Общество для устройства лиц женского медицинского звания. В 1906 г. это Общество выстроило в Лосиноостровской каменное здание приюта на 12 человек (располагалось оно на углу современного Хибинского проезда и Федоскинской улицы). В мае 1914 г. заложили второй корпус.

Долгое время домовая церковь приюта была единственной в округе. Духовная консистория была против превращения её в приходскую, и обывателям приходилось посещать церкви в Медведкове или в Перловке. Но в 1914 г. недалеко от приюта состоялась закладка нового каменного храма во имя святых Адриана и Натальи. Для постройки купили участок земли. Проект составил архитектор СМ. Ильинский. Часть денег внесли будущие прихожане.

Кроме приюта близ Лосиноостровской на народные деньги была выстроена туберкулёзная лечебница. Это стало возможным благодаря тому, что в 1911 г. в Москве начинается широкое движение различных благотворительных

организаций, которые устраивали кружечные сборы денег по определённым дням. К ним активно привлекали учащуюся молодёжь — студентов, гимназистов. Дни сборов носили поэтические названия: «День колоса ржи» (в помощь голодающим), «День незабудки» (в помощь несовершеннолетним преступникам), «День ландыша» (организованный Детолюбивым обществом) и т. д. Интересно случайность или нет, что дням боголюбивых дел присваивали цветочные названия. Вполне возможно, что сказалась благотворная близость Лосиногостинского Острова. Да и сама местность эта была в то время зелёной и здоровой. Вот и проснулись в людях чуждых казалось бы натуральной жизни первородные чувства счастья, красоты и гармонии.

Эре цветочных дней положил начало цветок белой ромашки (в пользу туберкулёзных больных). Ежегодно только по Москве болезнь уносила свыше 4 тыс. жизней. В 1911 г. за «День белой ромашки» было собрано свыше 60 тыс. рублей.



В церковь св. Адриана и Наталии на богомолье.

Часть денег комитет направил на устройство санатория, который предполагалось построить в Лосином острове. Удельное ведомство безвозмездно выделило 4 десятины земли (в 37-м квартале). Проект составил архитектор И.А. Герман. Торжественная закладка первого камня состоялась 15 апреля 1912 г. От Ярославского вокзала к месту строительства отправился специальный поезд, в котором ехали члены

благотворительного общества, городской управы. Строительную комиссию возглавил известный архитектор академик Р.И. Клейн. Уже 15 декабря 1913 г. состоялось открытие лечебного корпуса на 30 больных. Лечебница стояла среди векового хвойного леса, в полуверсте от железной дороги.

Но посёлок недолго оставался тихим дачным местом. Закончившееся в 1908 г. строительство Окружной железной дороги превратило станцию Лосиноостровскую в крупный передаточный узел с сортировочной горкой и депо. Появляются небольшие железнодорожные мастерские, а позже и телеграфные мастерские, из которых вырос электротехнический завод. К 1917 г. в Лосиноостровской имелось уже около 1500 владений, многие обитатели которых жили здесь круглогодично.



Вход в церковь Адриана и Наталии.

Дачный посёлок привлёк внимание и конспираторов-революционеров: в 1907 г. здесь работала подпольная большевистская типография, имелись и явочные квартиры. В 1917 г. гарнизон Московского склада огнестрельных припасов, находившийся на мызе Раево, что близ станции Лосиноостровская, активно поддержал большевиков. Созданный здесь

Военно-революционный комитет организовал снабжение восставших боеприпасами и отправил им в помощь вооружённый отряд в несколько сот человек.

Лосиноостровск ко времени своего преобразования в город в ноябре 1924 г. насчитывал 15 тыс. жителей. В городе «дома дачного типа — деревянные, с террасами, но все с печами, на широких, часто мощёных просеках, заняты жителями круглый год», — так описывал его современник. Позднее город всё более расширяется, обрастая новыми посёлками. Строительство первой линии метро способствовало появлению около платформы Лось городка метростроевцев. О нём сейчас напоминают названия нескольких улиц: Проходчиков, Ротерта — названа в честь первого начальника Метростроя Павла Петровича Ротерта (1880—1954), Егора Абакумова — в честь одного из первых руководителей строительства (1895—1953).

Однако рост численности населения значительно опережал строительство жилья. Многим приходилось ютиться в общежитиях, представление о которых даёт отрывок из письма в местную газету: «...барак, скорее похожий на конюшню, чем на рабочее жилище. Пол — дырявый, постоянно грязный, потолок с торчащими балками, стены худые, с обвалившейся штукатуркой, из щелей сыпятся опилки. В бараке нередко пьянки, хулиганские выходки и кражи». Но даже такое жилище почиталось за благо, некоторым приходилось жить в неотапливаемых вагонах, приспособленных под общежитие.

В 1939 г. город с 70,5 тыс. жителей получает новое имя — полярного лётчика, Героя Советского Союза Михаила Сергеевича Бабушкина. Он родился неподалеку от Лосиноостровской в деревне Бородино, а учился в селе Раево. Как писал сам М.С. Бабушкин: «Рос я больше в лесу. Отец мой в то время служил лесным сторожем у помещика Рихтера. По своей натуре он был страстным охотником, рыболовом. То и другое по наследству, видимо, перешло и ко мне. Я еще с 12 лет начал ходить с ружьём за зайцем, а весной и всё лето пропадал на речке — ловил рыбу». Вся дальнейшая жизнь Бабушкина связана с полярной авиацией, зверобойным промыслом в Белом море. Звание Героя он получил за участие в экспедиции, связанной с высадкой на Северный полюс папанинской четверки. Погиб Бабушкин 18 мая 1938 г. во время катастрофы с одним из поисковых самолётов, посланных на розыск экспедиции С. Леваневского. Погиб в 45 лет, из которых большая часть была отдана авиации. Позже его именем назвали район Москвы, улицу, станцию метро. В центре Бабушкинского парка культуры и отдыха ему поставили памятник.

В Лосиноостровской провёл детские годы ещё один именитый советский лётчик генерал М.М. Громов. Его отец, будучи врачом, поселился в Лосиноостровской в 1913 г. и начал работать в местной амбулатории. В 1918 г. он организовал поликлинику для железнодорожных рабочих, приспособив под неё санитарный вагон.

В Лосиноостровске жила и ушла отсюда на фронт лётчик-штурман, Герой Советского Союза Евгения Руднева (1921—1944), совершившая 645 боевых

вылетов. Отлично закончив школу, она поступила в Московский университет, участвовала в работе Всесоюзного астрономо-геодезического общества и в 1939 г. в бюллетене этого общества опубликовала свою первую научную работу.

Война непосредственно коснулась Бабушкина. В 1941 г. около станции на повороте ближе к Институту пути прогремел чудовищный взрыв. То ли в результате диверсии, то ли по чьей-то расхлябанности взорвался вагон с боеприпасами.

После войны пришлось долго налаживать городское хозяйство. Больницы размещались в старых бревенчатых домах дореволюционной постройки, отсутствовали бани, прачечные, школ было мало и учились в три смены. Лишь близость Москвы в какой-то степени выручала жителей, но и автобусы ходили нерегулярно. Первый газ в жилые дома провели лишь в 1957 г.

Из истории послевоенных лет интересно одно событие, сейчас кажущееся курьёзным. Дело в том, что не без влияния пресловутого «мичуринца» академика Т. Лысенко на подмосковных полях до войны пытались выращивать бахчевые: арбузы и дыни, а после войны — виноград. Причём делалось это не только в парниках и теплицах, но и в открытом грунте. В Кучино создаётся филиал института виноградарства «Магарач», а посадка лозы усиленно внедрялась в хозяйствах Московской области: где-то больше, где-то меньше. В 1949 г. в Бабушкине организовали совхоз Министерства легкой и пищевой промышленности «Грузия», где виноградом заняли сразу 6 гектаров, а к 1955 г. собирались довести площадь посадок до 21 гектара. Но постепенно дело с посадками винограда заглохло, и его сменила новая напасть — кукуруза.

В 1960 г. изменились границы Москвы, на её территории оказалось множество подмосковных селений и городов, в том числе и Бабушкин, самый крупный из пяти городов, вошедших в черту столицы. К этому времени он насчитывал почти 112 тыс. жителей. В ноябре 1968 г. при новом районировании появился Бабушкинский район Москвы, и началась массовая застройка нового столичного района.

Раево-Мыза (Раево-Мещерское).

В отличие от Малых Мытищ, время возникновения соседнего селения Раево-Мыза можно определить достаточно точно. Первое упоминание о сельце Раево относится к 1723 г., когда оно входило в состав дворцовой Тайнинской волости, пожалованной Петром I своей супруге Екатерине Алексеевне (после его смерти она взойдет на русский престол под именем Екатерины I). В ревизской сказке по Тайнинской волости очень кратко отмечено, что «её же дворцовое имение в сельце Раеве освидетельствовано по наезду 723 г., а по данным (за предыдущие годы. — Авт.) сказок от того сельца ни в котором году не явилось; в подушном окладе 3 человека: Иван Дмитриев 25 лет, скотник Фёдор Емельянов 25 лет, его брат Андрей 11 лет».

Отсутствие сведений в прежних документах говорит о том, что сельцо появилось в очень небольшой промежуток между 1719 г., когда началось составление ревизских сказок, и 1723 г. Наименование нового селения явно было заимствовано от соседнего с Тайнинским старинного села Раева, некогда принадлежавшего к этой дворцовой волости, но переданного Петром I в конце XVII в. своему дяде Льву Кирилловичу Нарышкину. Правда, при этом, что являлось очень характерным для эпохи XVIII столетия, в это название вкладывался несколько иной смысл, а само оно производилось от слова «рай». Это было явно не случайно, поскольку именно здесь, в полуверсте от большой Троицкой дороги, в окружении берёзового и осинового леса, Екатерина I возводит небольшую уединенную усадьбу, которая предназначалась для «райского» отдыха во время поездок и пеших «походов» царицы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.



В.М.Васнецов. «Нищие певцы». Раево-Мыза в XIX веке стояла на богомольном пути.

Малочисленный штат дворовых людей свидетельствует о том, что в этот период посещалась она редко и на короткое время. В отличие от одноименного села Раева, она именовалась сельцом (так назывались селения с господскими усадьбами, при которых не было храма). Позднее она стала именоваться мызой Раево.

После недолгого царствования Екатерины I Раево-Мыза приходит в упадок и начинает возрождаться лишь после 1736 г., когда в правление Анны Иоанновны младшая дочь Петра I Елизавета Петровна (будущая императрица) получила бывшие владения своей матери. В первые годы после своего прихода к власти Елизавета Петровна много времени

проводила в Москве и практически ежегодно к Петрову дню — 25 июля — совершала походы на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Сопровождаемая большой свитой, императрица каждый раз на несколько дней останавливалась в своём любимом селе Тайнинском, где в 1749 г. по её приказу строится новый путевой дворец. Царица особенно благоволила к своей двоюродной сестре Скавронской, выданной замуж за князя Чоглокова, которая постоянно находилась в её свите. Вероятно, в связи с этим и было подарено Чоглоковым сельцо Раево, расположенное поблизости от Тайнинского.

В свите царицы Чоглоковы держались рядом с наследником престола — великим князем Петром Фёдоровичем и его женой, будущей императрицей Екатериной II. Они неоднократно принимали молодую великокняжескую чету в своём сельце Раеве.

Летом 1749 г. Елизавета Петровна отправилась в пеший поход на богомолье. Рассказ об этих событиях приводится в воспоминаниях Екатерины II: «Нам приказано было перебраться на Троицкую дорогу, для чего мы и поселились в Раеве, деревне, которая принадлежала Чоглоковой, в 11 верстах от Москвы, на пути к Троице. Там всё наше помещение состояло из небольшой залы в середине дома и четырех крохотных комнаток по сторонам. Для свиты кругом дома были разбиты палатки, в одной из которых помещался великий князь. Я занимала одну комнату, Владиславова другую. Чоглоковы жили в двух остальных. В зале мы обедали... Каждый день после обеда мы ездили на охоту.

Когда Её Величество дошла до Тайнинского, находящегося почти напротив Раева, на другой стороне большой Троицкой дороги, к нам в Раево начал ежедневно приезжать гетман, граф Разумовский, младший брат фаворита... Он был очень весёлого нрава и почти одних с нами лет. Мы очень любили его, и Чоглоковым приятны были его посещения, так как он — брат фаворита...

Петров день мы пробыли в Троицком монастыре... Из Троицкого монастыря императрица отправилась в Тайнинское, а мы опять в Раево, где началась прежняя жизнь. Мы оставались там до половины августа, и потом поехали с императрицею в Софьино.

Затем мы опять поселились в Раеве и оттуда в одно воскресенье были приглашены в Тайнинское, где имели честь обедать за одним столом с Её Величеством».

Судя по приведённому описанию, господский дом в Раеве имел примерно такое же устройство, как дворец в селе Хорошёве на большой Звенигородской дороге, построенный по приказу Екатерины I в 1724 г. Поскольку план и чертежи фасадов Хорошевского дворца сохранились до наших дней, мы можем составить наглядное представление о том, как выглядел и дом в Раеве.

После Чоглоковой Раево досталось генерал-майорше Е.И. Алениной, за которой оно числится в 1766 г. с 12 душами крестьян. В 1800 г. сельцом, с 12 дворами, владела секуид-майорша Е.Д. Хотяицева. По сведениям 1852 г., в сельце, принадлежавшем некоей Мясоедовой, указаны господский дом, оранжерея и сад, в 21 дворе 74 души мужского и 88 женского пола.



Бывший клуб офицеров и офицерская гостиница на 59-й арсенал (бывший ФГУП Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны РФ) на Раево-мызе.

В пореформенное время население сельца значительно сократилось: помещики часто накануне крестьянской реформы отпускали крепостных на волю за денежный выкуп или переводили в дворовые, которые не получали при освобождении земельных наделов и были вынуждены искать работу на новом месте. По данным 1884 г., сельцо под названием Раева-Мыза (так назывались обычно небольшие хозяйственные имения) показано при пруде, с 2 лесными сторожками Лосинового острова, и в нём отмечены только 7 крестьянских дворов с 46 жителями мужского пола. А в дальнейшем владельцы имения, не желая затруднять себя хозяйственными заботами, предпочли выгодно продать землю казённому ведомству, которое основало в Раеве-Мызе артиллерийские склады.

С образованием посёлка Лосиноостровская на соседних с бывшим сельцом участках в 1910 г. развернулось строительство дачного посёлка Общества вспомоществования торговых служащих. Дачников привлекали лесное богатство и наличие здесь прекрасного пруда. Во время революции 1905 г. и в 1917 г. солдаты гарнизона артиллерийских складов под влиянием большевиков-агитаторов примкнули к восставшему народу. Позднее здесь уже в советское время возникает посёлок Красной Сосны, который очень

скоро слился с городом Лосиноостровском (Бабушкиным), а его название перешло на соответствующие улицы.

Малые Мытищи.

История деревни Малые Мытищи, как нетрудно догадаться, была самым тесным образом связана с судьбами соседнего села Большие Мытищи (ныне город Мытищи). Эти земли издавна входили в состав Тайнинской Дворцовой волости. Это было достаточно крупное владение с центром в селе Тайнинском, к которому «тянули» многочисленные деревни.

Малые Мытищи, впервые упомянуты под именем Новоселки, «имевшими место» на пересечении Ярославской дороги и притока Яузы — Ички (1719 год). Потом в документах встречается двойное их название. А после того как старое название забылось, «ревизские сказки» (отчеты о переписи населения) фиксируют просто Малые Мытищи. В 1764 году было в них «34 двора, 107 душ мужеска, 109 душ женска полу». Да еще «фартинговая изба» — видимо, прабабушка нынешних кемпингов, коль транзитный люд мог в ней остановиться и передохнуть, поесть и прикупить разного товара.



Малые Мытищи начала XIX века.

Как ни скупы сведения об этой деревушке, а доподлинно известно, что чума 1771 года и по ней прошла смертной косой. В уставной грамоте, составленной через год после отмены крепостного права (1862 год), в Малых Мытищах записаны лишь 146 «ревизских душ да 1 отставной солдат». Но за ними закреплен солидный надел — 424 десятины земли, а за Удельным

ведомством — лишь рыбная ловля в Клязьме да участок под харчевней, арендуемый крестьянином Михайлой Головиным...

В 1863 году бывший тобольский купец Иван Мамонтов проложил до Сергиева Посада 67 верст первой в России частной «чугунно-паровозной дороги», и в целебных лесах начался дачный бум.

Несмотря на значимость посёлка церковь в нём ввиду малого населения так и не построили. Наконец к 1914 году на средства местных крестьян С. В. Назарычева и С. П. Кузнецова в память 300-летия Дома Романовых была построена одноглавая часовня-сруб на кирпичном фундаменте. Часовня Сергия Радонежского в Малых Мытищах была приписана к Владимирской церкви в Мытищах. Простояв около десяти лет была закрыта не ранее 1924 года, не сохранилась [Москва, Ярославское шоссе., район дома 135].

С тех пор строительство и перекупка, сдача жилья и извоз надолго стали большим бизнесом Малых Мытищ и соседнего поселка, а затем города Лосиноостровска. В 1960 году деревня, окольцованная МКАД, вошла в черту Москвы, оставив о себе память лишь в имени «старшего брата» — соседнего города Мытищи.

К сожалению, сказать более точно о времени появления здесь поселения не представляется возможным. Имеющееся в нашем распоряжении первое подробное описание этих мест относится к 1646 г. Но в нём данное название отсутствует. Поскольку переписные книги Тайнинской волости за вторую половину XVII в. не сохранились, можно достоверно утверждать лишь то, что Новосёлки возникли в промежутке между 1646 и 1719 гг., скорее всего в царствование царя Алексея Михайловича.

Последующие известия о деревне довольно скупы. Известно, к примеру, что в 1763 г. в ней, располагавшейся на оживленной дороге, была построена фартинная (торговая) изба, в которой проезжающие могли остановиться передохнуть и поесть. По данным 1764 г., в деревне имелось 34 двора, где проживало 107 душ мужского и 109 женского пола. Однако эпидемия чумы 1771 г., когда тут умерли «заразой» 30 мужчин и 41 женщина, нанесла серьёзный удар по численности здешнего населения, и в итоге по ревизским сказкам 1773 г. население деревни сократилось до 70 мужчин и 73 женщин. При этом чума особенно свирепствовала именно по большим дорогам. Так, в Больших Мытищах в это время умерли 149 человек, в Тайнинском — 66, в Ватутине 24 человека. Для нас ревизские сказки 1773 г. важны тем, что именуют деревню двойным названием: Новосёлы — Малые Мытищи. Впоследствии второе название окончательно вытеснило первое, более раннее.

Понадобилось почти столетие, чтобы население Малых Мытищ удвоилось. Согласно уставной грамоте, составленной в 1862 г. после отмены крепостного права, в деревне было зафиксировано 146 ревизских душ и 1 отставной солдат. На всех них было выделено 424 десятины земли. За Удельным ведомством осталась рыбная ловля в реке Клязьме, участок в

деревне под харчевней, которую арендовал крестьянин из Больших Мытищ Михаил Головин, и 72 десятины земли, в том числе 36 десятин, которые арендовали крестьяне деревни, и 6 десятин при железной дороге.

Сравнительно рано, практически сразу после прокладки железной дороги, здесь развивается дачный промысел. В 1881 г. при Малых Мытищах уже числится 20 дач, которые приносили за сезон 3428 рублей. Однако только три из них принадлежали местным крестьянам, остальными же владели три посторонних владельца, которые выкупили у Цельного ведомства упоминавшиеся выше 6 десятин при железной дороге. В 1899 г. в деревне имелось 66 дворов и 364 жителя.

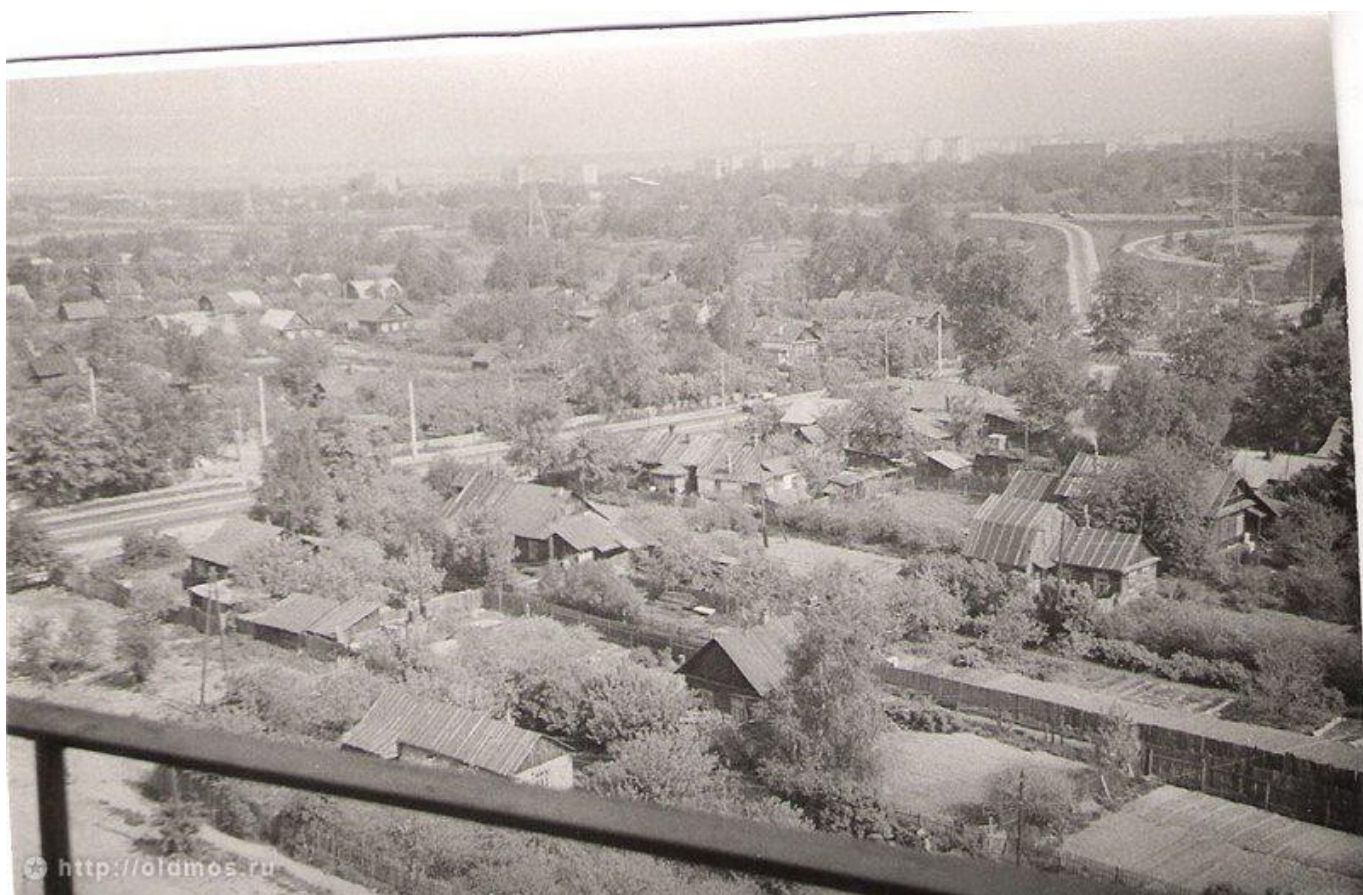
Перепись 1926 г. отметила в деревне уже 110 дворов и 544 жителя. Постепенно Малые Мытищи теряют свой чисто сельскохозяйственный характер. 52 хозяйства были безлошадными, а 37 хозяйств не имели коров. Из промыслов наиболее распространенными являлись извоз (50 хозяйств) и сдача помещений для жилья (отмечено в 29 хозяйствах).



Малые Мытищи около 1970 года (фото 1).

Подобные перемены объяснялись развитием соседнего посёлка, а затем города Лосиноостровска, в результате чего деревенская застройка практически слилась с его дачными улицами. К 1939 г. население Малых Мытищ возросло до 1481 человека.

В 1960 г. деревня в связи со строительством Кольцевой автодороги вошла в черту Москвы, а спустя два десятилетия здесь началась массовая жилищная застройка.



Малые Мытищи около 1970 года (фото 2).



Новый драматический театр на ул. Проходчиков